

© А. И. Илиади
(Кировоград)

НЕСКОЛЬКО ИЛЛЮСТРАЦИЙ ПОНЯТИЯ «ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА»

(этимологические заметки по славянской лексике. 19-23)

В статье, продолжающей авторский цикл этимологических исследований по славянской лексике, приведены результаты этимологического анализа ряда слов, относящихся к древнейшему хронологическому пласту славянского словаря. Реконструированные в процессе этимологической процедуры праславянские формы, изолированные в системе праславянского словообразования, являются основанием также и для восстановления соответствующих индоевропейских прототипов.

Ключевые слова: дериват, праславянский, этимология, словообразование, прототип.

О. І. ІЛІАДІ. КІЛЬКА ІЛЮСТРАЦІЙ ПОНЯТТЯ «ВНУТРІШНЯ ФОРМА СЛОВА» (ЕТИМОЛОГІЧНІ ЕТЮДИ ЗІ СЛОВ'ЯНСЬКОЇ ЛЕКСИКИ. 19-23)

У статті, що виступає частиною авторського циклу етимологічних досліджень слов'янської лексики, наведені результати етимологічного аналізу ряду слів, які належать до найдавнішого хронологічного шару слов'янського словника. Реконструйовані в процесі етимологічної процедури праслов'янські форми, ізольовані в системі праслов'янського словотворення, дають підстави також і для відновлення відповідних индоевропейських прототипів.

Ключові слова: дериват, праслов'янський, етимологія, словотвір, прототип.

O. I. ILIADI. SEVERAL ILLUSTRATIONS OF THE NOTION «THE INNER FORM OF A WORD» (ETYMOLOGICAL NOTES ON SLAVONIC VOCABULARY. 19-23)

The author's cycle of etymological research concerning the Slavonic vocabulary is continued; the results of etymological analysis of a number of words belonging to the most ancient chronological layer of the Slavonic vocabulary have been presented. The Proto-Slavonic forms reconstructed in the process of etymological procedure, isolated within the system of Proto-Slavonic word-formation, can be also used as a basis for the reconstruction of the appropriate Indo-European prototypes.

Key words: derivative, Proto-Slavonic, etymology, derivation, prototype.

Введенное в XIX в. А. А. Потебней понятие «внутренняя форма слова», подразумевающее отношение содержания мысли к сознанию (Потебня 1999: 91), остается актуальным и по сей день, т. к. является важным в решении ряда вопросов не только из области общего языкознания (ср., например, выделение семантических универсалий, разработку проблематики идеофонии и др.), но также из проблематики этимологии, которая сейчас переживает очередную фазу подъема.

В практике этимологических исследований внутренняя форма как «особенность слова, которая рождается вместе с пониманием» (Потебня 1999: 90), обычно специально не описывается, но часто присутствует в анализе как элемент объясняемого плана семантики. Современная этимологическая наука многого достигла в методике исследования формальной стороны слов, поэтому структура даже реликтовой лексики с утраченными или затемненными словообразовательными связями, этимологическая структура различного рода грамматических петрификатов при использовании этой методики получает четкое объяснение, чего не скажешь об их внутренней стороне,

стороне номинации, которая во многих этимологических версиях остается, что называется, «за кадром».

Настоящая статья не ставит целью разработку принципов определения внутренней формы. В ее задачу входит генетическая характеристика лишь нескольких славянских слов, чья внутренняя форма (в данном случае – первоначальный признак, положенный в основу номинации) по той или иной причине привлекла наше внимание.

19. Зафиксированное в говорах русского Севера название плесени типа арханг., волог. *гусель*, *гусель*, ген. -и ж. р. ‘плесень’, ‘гниль’ (1870 г.), арханг. *гусель* ‘что-либо покрытое плесенью’ (1907 г.; Словарь рус. нар. говоров, 7: 242), арханг. *гусель* ‘плесень; что-либо покрытое плесенью’ (Грандильевский 1907: 131), насколько нам известно, еще не было предметом этимологического анализа. Форма этого названия позволяет определить его как оформленное по образцу *i*-основ (субстантивация) причастие на -*i*- от диал. арханг. *гусеть* ‘плесневеть, покрываться плесенью’ (1885 г.), ср. сохраняющее признаки причастия арханг., олон. *гусельный* ‘заплесневевший’ (1873 г.; Словарь рус. нар. говоров, 7: 242, 243). Правда, прозрачность словообразовательных связей в данном случае не объясняет природы значений ‘плесень’, ‘плесневеть’, скорее даже прибавляет неясности: мы наблюдаем замкнутый круг в развитии семантики, ср. ‘плесневеть, гнить’ → ‘плесень, гниль (→ ‘предмет, покрытый плесенью’)’, тогда как известное русскому и другим славянским языкам название плесени (болг. *плѣсен*, слов. *pleseň*, пол. *pleśń* и др.) само является производным для глагола *плесневеть* ‘покрываться плесенью’. Не проясняет ситуацию и этимология славян. *плесень*, вскрывающая древнюю мотивацию цветообозначением (псл. **plēsny* ~ лит. *pālšas* ‘бледный, блеклый’, вестфал. диал. *fial* ‘светлый’ и др.; см.: Фасмер, III: 279), поскольку славянскому словарю неизвестен корень *гус-/gus-* со значением ‘светлый’ или ‘блеклый, бледный’.

Обращение к названиям плесени в других и.-е. языках дает тот же результат – указание на первоначальный цветовой признак, как, например, в случае с лит. *mūsaĩ* pl., которое рассматривается в одной статье с рус. *мох* (Fraenkel 1962, I: 473), выводимым из и.-е. **mi-s-*, имевшего, как предполагают, функцию обозначения серого, сероватого цвета (Этим. словарь слав. языков, 20: 217-218). Ср. также гр. *μοῦχα* ‘плесень (на сыре, хлебе)’, в итоге возводимое к др.-гр. *ομίχλη* ~ н.-гр. *ομίχλη* ‘туман, мгла’ (Μπαμπινιώτη 2008: 1131, 1253), что позволяет предположить здесь зрительный (цветовой) образ сероватой «дымки», покрывающей предмет (если, конечно, не видеть тут указание на сырость, непременно сопровождающую появление плесени). И этот результат не ведет к генетической атрибуции группы указанных русских форм. Значит, истоки значения ‘плесень’, ‘плесневеть’ рус.

гусель, *гусель* и *гусеть* лежат не в сфере цветономинации, а в какой-то иной системе мотивирующих признаков, как, например, в случае с лат. *mīcor*, *-ōris* ‘плесень’, ‘сливки’, входящим в и.-е. лексическое гнездо с базовой семантикой ‘слизь’, ср. родственные формы типа лат. *mīcus* ‘слизь из носа’, гр. μύξα ‘слизь’, ‘сопли’ и т. п. (Walde 1910: 497).

Пример с лат. *mīcor* наводит на мысль о «нестандартной» номинации также и в случае с рус. словами. В частности, *гусеть* может восходить к псл. **gusati* (с поздней перестройкой тематического вокализма) < **gudsati* – глагольный интенсив на *-s-ati* от основы **g^uaudh-* (~ и.-е. **g^uōi-* ‘отвращение, мерзость, гадость’, ‘вызывать отвращение’), ср. кимр. *budr* ‘грязный, мерзкий’, *budro* ‘загрязнять, пачкать’ (Pokorny 1959: 483, 484). Таким образом, рус. диал. название плесени производно от глагола, первоначальное значение которого предполагало процессуальный признак ‘иметь мерзкий (вызывающий отвращение, гадливость) вид’ (→ ‘плесень’), что, в общем, не очень отличается от лат. ‘плесень’ ← ‘слизистая масса, слизь’, которое также потенциально могло иметь добавочный признак ‘вызывающая отвращение (слизь, масса)’. В связи с этим уместно вспомнить и слова А. А. Потебни о том, что «слово образуется из субъективного восприятия и есть отпечаток не самого предмета, а его отражения в душе» (Потебня 1999: 32). Иначе говоря, при акте номинации не так важны собственно свойства и происхождение плесени, гнили, как то ощущение или зрительный эффект, оказавшиеся актуальными в этот момент и потому отраженные в слове.

20. Русский диалектизм *морéц* ‘спинной хребет’, отмеченный в ярославских говорах (Мельниченко 1961: 113), также еще не объяснялся с позиций этимологии. Поиски соответствий в славянском словаре не приводят к сколько-нибудь убедительным результатам: прозрачность словообразовательной структуры, а именно – возможность вычленения здесь суффикса *-ьс-* в действительности только усложняет реконструкцию первоначальной формы, т. к. остающаяся при отделении суффиксального форманта корневая основа *мор-* в славянских названиях частей тела не фиксируется. Поэтому следующим шагом в толковании рус. яросл. *морéц* будет обращение к данным неславянских языков.

Прежде всего обращает на себя внимание иранский лексический материал, демонстрирующий (этимологически) некоторую близость формы и семантики, в частности, отметим авест. *mərəzu-* ‘позвоночник’ (сравнивается с осет. *murzæg* ‘часть туши’ (плечо и ребра? грудинка?); Абаев, II: 133: статья *murzæg*), перс. *māza*, *māzū*, *māzūn* ‘спинной хребет’, ‘позвоночник’, шам. *marze-ya pošt* ‘позвоночный столб’ и, возможно, курд. *maz-maz-k* ‘спинной хребет’, ‘позвоночник’ (возводятся к др.-иран. **mrz-?* См. Цаболов 2001: 657:

статья *mil*). Думается, что указанные лексемы восходят к архетипу **mrzu-* (вероятно, речь идет об и.-е. диал. соматическом термине **mrġ(h)u-*), представляющем собой расширение на *-ġ(h)-* (+ показатель *u*-основы) корневой основы **mr-*, засвидетельствованной, например, в вахан. *mār* ‘сустав’, ‘фаланга (пальца)’ (из др.-иран. **mr-*), которое имеет соответствие в производной др.-инд. форме *mār-man-* ‘уязвимое место’, ‘сустав’ (Стеблин-Каменский 1999: 238). Эта последняя содержит ту же разновидность корня с вокализмом в нормальной (полной тембровой) ступени (и.-е. **mor-*), которую можно видеть и в рус. *морéц*. Иначе говоря, рус. диалектизм воспроизводит псл. **морьсь* – дериват от **mor-*, обозначавшего, насколько можно судить по семантике рефлексов, сустав, его часть, подвижное сочленение костей. Т. е. позвоночник, хребет мог восприниматься как гибкая, подвижная спинная «цепочка» таких соединенных костей-фаланг. В этом смысле номинация **морьсь* отчасти близка к номинации рус. *позвоночник*, *позвонок*, связанных со *звено* с чередованием *e : o* (Фасмер, III: 303; т. е. как цепь «костяных звеньев?»), гр. *ραχοκοκκαλία* ‘позвоночник’, ‘хребет’ = *ράχη* ‘спина’ & *κόκκαλο[v]* ‘кость’ и коренным образом отлична от номинации распространенного славянского названия хребта **xrbьbь* ~ **xrebtī*, **skrebtī*, где значение ‘спинной хребет’ родственно ‘острие’, ‘скрести’, как в лат. *spīna* ‘колючка’ и ‘спинной хребет’ (Этим. словарь слав. языков, 8: 96, 108).

Таким образом, рус. *морéц* входит в древнее, ограниченное индо-иранским и (частично) славянским ареалами, семейство слов с основами **mor-* и **mr-ġ(h)u-*, **mr-du-* (ср. двуосновное **mrdu-banda-*; Стеблин-Каменский 1999: 238), обозначавших позвоночник и его части (сочленения костей).

21. В калужских говорах рус. языка функционирует этимологически изолированный анатомический термин *васюк*, *-а* ‘желудок свиньи’ (Словарь рус. нар. говоров, 4: 67), происхождение которого, как и происхождение двух предыдущих лексем, еще не освещалось в специальной литературе. Названия близких понятий в других языках индоевропейской семьи демонстрируют широкий спектр мотивирующих признаков, ср.: лит. *skrandis* ‘желудок у скота’ ~ *skrānda*, *skarunda* ‘шкура’, ‘мех’, генетически соотносимые с лит. *skirti* ‘отделять’, ‘разделять’, *skersti* ‘колоть’, ‘резать’ (Fraenkel 1962, II: 814, 815); англ. *belly*, с.-англ. *bali*, *bely*, др.-англ. *bælg*, *belig*, *belg* ‘живот, брюхо’ и др. германские лексемы, продолжающие прагерм. **belg-* из и.-е. **bhelgh-* ‘разбухать, пухнуть’, сюда же и валлий. *bol*, *bola*, *boly* ‘живот, брюхо’ (Klein 1966, I: 162); осет. *axsæn* ‘желудок’, ‘сычуг’ – отглагольное имя, ср. *axsyp* ‘створаживать (молоко при изготовлении сыра)’, т. к. сычуг употреблялся для этой цели (Абаев, I: 91); гр. *στόμαχος* ‘пищевод’, ‘желудок’ – производное

от *στόμα* ‘рот’, ‘пасть’ и *γαστήρ* ‘живот’, ‘брюхо’, ‘желудок’ из более древнего **γρασ-τήρ*, буквально – ‘обжора’ (Frisk, I: 291; II: 801) и др. Ср. еще слав. **želodъ(kъ)* ‘желудок’ < и.-е. **g^hel-on-d-o-*, развившееся из корня **g^hel-* с неизвестным, как считают, значением (Bogus 2005: 755), однако, учитывая, с одной стороны, архаичную и.-е. лексику, обозначающую выпуклые, округлые предметы (в том числе и части тела) и сформировавшуюся в гнезде с основой **g(h)el-* ‘сжимать’, ‘выпуклость’, а с другой – германские названия живота, сводимые к и.-е. **bhelgh-* ‘разбухать, пухнуть’, есть смысл предположить близкий мотивирующий признак (округлость, вздутость) и для слав. **želodъ(kъ)*.

Но ни одно из этих названий живота, желудка не является формально близким рус. *васюк*, что побуждает предположить в нем заимствование из неславянских, вообще неиндоевропейских языков или же значительное искажение (например, вследствие деэтимологизации) какой-то более древней формы, которую сейчас невозможно установить из-за отсутствия родственных образований в других славянских идиомах.

Первое предположение пока не находит поддержки, т. к. известная лексика местного неславянского окружения (например, тюркоязычных народов) не обнаруживает ничего подобного. Вопрос о *васюк* как о возможном результате искажения в народной речи (или просто неправильной записи при сборе материала) остается открытым. Однако не существует формальных препятствий также для того, чтобы рассматривать этот анатомический термин как реликтовое слово со следами индоевропейской древности, а именно – как **uās-en*, т. е. сложение двух основ – **uās-* (~ **ues-* ‘находиться’, ср. др.-инд. *vāsati* ‘пребывает’; Walde 1910: 829) и **en* – наречие со значением направления внутрь, внутри (ср. арийск. **an(a)*; Расторгуева 2000: 159: **²an(a)*). Т. е. ‘находящийся внутри’ – описательное обозначение внутреннего органа, типологически близкое к родовому понятию, передаваемому, например, рус. *внутренности* (пол. *wnętrzności*) – общее название всех внутренних органов (и желудка в том числе) человека и животного, ср. также аналогичные в плане развития семантики якут. *is*, башкир. *es*, киргиз. *ič* ‘живот’ и др. из пратюрк. **ič* ‘внутренность’ и эвенк. *ur* ‘желудок’ ~ чув. *var* ‘живот’ из пратюрк. **ō^{ri}* ‘середина, внутренность’ (Сравнительно-историческая грамматика... 2006: 824; Севортян 1974: 508)⁶. Эта дофлексивная структура, своеобразный грамматический

⁶ Вероятно, на тюрк. формы типа тат. диал. *ич* ‘внутренность’, ‘нутро’, а также ‘живот’, ‘брюхо’, ‘чрево’ и под. (см.: Севортян 1974. 388–389) следует ориентировать этимологию рус. диал. яросл. *ича* ‘пищевод животных (коровы, овцы и т. д.)’ и блр. диал. *еч*, род. п. *-ы* ‘пищевод’ (у животных), которые мы ранее поспешили отнести к продолжениям псл. **ēcal*ēcъ* ~ **ēkt’i* ‘гнуть, сгибать’ (Илиади 2005, 157).

архаизм, в праславянську епоху була підчинена новим законам морфології слів і оформлена при допомозі суффікса *-k-* подобно **ęsьtu-kъ*, **ęzu-kъ* і др. (Етим. словарь слав. языков, 6: 64, 75).

Таким образом, здесь основным, актуальным в момент номинации оказался такой признак органа, как его нахождение внутри тела, а не то, что он, например, набухает при наполнении пищей или (метафорически) «наедается» (ср. выше гр. γαστήρ). Именно этот признак, очевидно, и был в свое время объективным содержанием, ср. в этом отношении высказывание А. А. Потебни: «Под словом *окно* мы разумеем обыкновенно раму со стеклами, тогда как, судя по сходству его со словом *око*, оно значит: то, куда смотрят или куда проходит свет, – и не заключает в себе никакого намека не только на раму и проч., но даже на понятие отверстия». Т. е. в слове есть два содержания: первое – ближайшее этимологическое (объективное) значение, заключающее в себе один признак, другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество (Потебня 1999: 90). Как раз это последнее в случае с рус. диал. *васюк* < (**vasękъ*) при акте номинации отошло на задний план. Что касается замещения 'а' на 'у' в предполагаемом рус. **васяк*, то оно обусловлено не фонетическими процессами, а скорее морфологическими, например, сближением со словами, в структуре которых имеется суффикс *-ук-*.

22. Укр. диал. лексемы *шеверногий* 'косопалый, с кривыми ногами' (Словарь укр. мови: 490) и полтав. *чивирногий* 'кривоногий' (Ващенко 1960: 102) наряду со ст.-рус. личным именем *Шеворногов* (Новгород; Веселовский 1974: 364) уже привлекали наше внимание в связи с реконструкцией праславянского словообразовательно-этимологического гнезда корня **ver-/vor-/vьr-/vьr-*, имевшего широкий семантический диапазон 'гнуть', 'крутить, вертеть', 'бросать' (плюс достаточно древние вторичные, переносные значения). Тогда мы ограничились выделением в них основ *шевер-* и *чевер-* (*чевир-*), имеющих в своем составе экспрессивные префиксы *ше-* (**še-*) и *че-* (**če-*) > **чи-* (под влиянием корневого *и*), и сопоставлением со слвн. *šever* 'кривоногий человек' (Іліаді 2001: 28). При этом не были в достаточной мере объяснены детали структуры и хронология образования перечисленных слов, не была учтена и этимология М. Р. Фасмера, который толковал рус. диал. вят. *шаворногой* 'шаркающий, волочащий ноги' как связанное с *шаврять* 'ходить, волоча ноги', *шавать* 'тихо красться, осторожно двигаться' и *шаверь* 'мелочь, дрянь' (Фасмер, IV: 393).

Сейчас представляется вполне возможным интерпретировать восточнославянские формы (к ним можно добавить и рус. диал. урал. *шаварногий* 'человек с необычной походкой; тот, у кого ноги «заплетаются», хромо́й'; приводится по: Єфименко 2002: 101)

как результат фонетического изменения исходных **чеверно-ногий* и **шеверно-ногий* вследствие синкопы безударного слога *-но-* во многосложном слове. Первая часть этих сложений – это не сохранившееся в свободном употреблении прилагательное на *-ьн-* **ševerьnъ/*čeverьnъ*, соотносительное с глаголом **ševeriti/*čeveriti* (ср. слвн. *ševeriti* ‘неровно ходить, хропать’; приводится по: Machek 1957: 498), образованным при помощи приставок **še-* и **če-* от **veriti* (ср. с другим префиксальным слвц. *iverit* ‘кривить, коробить’), ср. относительно модели **če-pyžiti sę*, **če-pyriti sę* и др. (Этим. словарь слав. языков, 4: 57, 58), рус. диал. твер. *ша-верзить* ‘строить козни’ ~ **вьрз-*, как в *ка-верза* (Фасмер, IV: 393). С учетом того, что доступные источники восточнославянской лексики не фиксируют глаголов **шеверить*, **чеверити*, находившихся в начале словообразовательной цепочки «глагол → адъектив → адъектив-комполит», можно говорить о праславянском возрасте анализируемых рус. и укр. слов, т. е. восстанавливать **ševerьno-nogъ*, **čeverьno-nogъ*.

Предложенные в словаре М. Р. Фасмера сопоставления, по нашему мнению, неприемлемы по нескольким причинам. Во-первых, география рассматриваемых форм не ограничивается рус. диалектной областью, т. к. существуют укр., чеш., слвц. и слвн. соответствия, которые этимологически нельзя отрывать от вят. *шаворногой*, как нельзя и (по причине значительных фонетических отличий) связывать их с приведенными выше рус. *шаврять*, *шавать* и *шаверь*, для которых к тому же отсутствуют, насколько нам известно, инославянские (и прежде всего – украинские) параллели. Сопоставление же рус. *шаворногой* с другими рус. диалектизмами с начальным *ша-*, вероятно, обусловлено тем, что этот адъектив был принят за фонетически исходный вариант, в то время как это вторичная форма с регулярным диал. изменением *e > a* после шипящего (особенно часто встречается как раз в составе приставки *ше-* > *ша-*), и это *e* сохранено укр. аналогами, что делает их более авторитетными этимологически. Во-вторых, существует образование с начальным *че-* (> *чи-*), явно неотделимое генетически от форм с анлаутом *ша-/ше-* и в то же время фонетически не выводимое из них, т. к. соотношение всех этих вариантов объясняется с позиций словообразования, т. е. только если рассматривать их как вариантные по типу приставки производные с одним корнем.

Что касается мотивов номинации, то для передачи понятий ‘кривоногий’, ‘косопалый’, ‘хромой’ более подходят прилагательные, соотносительные с глаголами со значением ‘неровно ходить’, ‘кривить’, чем прилагательные, соотносимые с глаголами со значением ‘волочить ноги при ходьбе’, ‘осторожно двигаться’ или с существительным для обозначения мелочи. Эти значения, согласно теории А. А. Потебни, могли бы развиваться у

слов с семантикой ‘кривоногий’, ‘косолапый’, ‘хромой’ как «субъективное содержание, в котором признаков может быть множество» (Потебня 1999: 90).

Завершая этот этимологический этюд, отметим, что по ряду названных выше причин (былое наличие в слав. языках глагола **veriti*, сохраненного в образованиях с другими приставками, функционирование укр. формы с анлаутом *чи-* < **че-* и др.) генетическая ориентация чеш. *ševerem* ‘косо, наискось’, словц. *ševerom* (в составе рифмованного образования *ševerom heverom*), словн. *šever* ‘кривоногий человек’, *ševeriti* ‘неровно ходить, хромать’ и укр. *шеверногий* на гипотетическое нем. **schever* ~ др.-в.-нем. *schēf* (Machek 1957: 498) не выглядит убедительной.

23. Форма чеш. *glgon*, *glgoň* ‘скупец, скряга’, ‘недоброжелательный, завистливый человек’ (Třetí příspěvek... 1906: 75) позволяет выделить в структуре этих слов суффиксальные форманты *-on*, *-oň*. Определяемая таким образом производящая основа **glg-* в доступных лексикографических источниках не засвидетельствована, что не мешает предположить ее существование в прошлом. Фонетически она может восходить к псл. **gьlg-*, которое в свою очередь воспроизводит соответствующий и.-е. этимон **glg-* (ступень редукции) ~ **gel-* ‘сжимать’, ‘комкать’ и ‘шар’, ‘предмет, имеющий круглую форму’, ср. вариант с другим вокализмом и палатальностью расширителя **gel-g-*: швед. *kalk* ‘сердцевина дерева’ и под. (Pokorný 1959: 357). Позволительно предположить, что и в древнем славянском лексиконе **gьlg-* функционировало как основа глагола со значением, вероятно, близким к ‘сжимать’, ‘стискивать’, что сделало возможным существование девербативов **gьlg-onъ*, **gьlg-onь* с семантикой ‘скряга’, ‘скупец’ (семемы ‘недоброжелательный, завистливый человек’ имеют вторичный характер). Если обратиться к способам образования значения ‘жадный, скупой человек’ в славянских языках, то первым на ум приходит рус. *жмот* – дериват с суффиксом *-от-* от *жму*, т. е. праес. от *жать*, поэтому предложенная этимология не вызывает сомнений также и со стороны семантики (‘жать, сжимать’ → ‘скупиться, жадничать’ → ‘скряга, скупой человек’). Ср. также рус. *жмѣнда* ‘скупец’ «от *жму*, *жать*» (Фасмер, II: 59), разг. *прижѣмистый* ‘скупой, неуступчивый в денежных делах, жадный’ (Ожегов 1987: 479) ~ *прижѣмать* и просторечное *зажать* ‘пожадничать, поскупиться’.

Приведенные выше этимологические наблюдения над славянской лексикой еще раз подтверждают актуальность понятия «внутренняя форма слова» для исследований, ставящих целью описание семантической истории древнейшей части славянского (шире – индоевропейского вообще) лексикона и восстановление разрушенных словообразовательно-семантических связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Єфименко І. В. Етимологічні нотатки з антропонімії давньої Новгородщини (за матеріалами «Новгородских записных кабальных книг») / І. В. Єфименко // Студії з ономастики та етимології. 2002. – К., 2002. – С. 93–104. 2. Илиади А. И. Основы славянской этимологии / Илиади А. И. – К.: Довіра, 2005. – 271 с. 3. Іліаді О. І. Етимологічне гніздо з коренем **ver-* у праслов'янській мові / Іліаді О. І. – К.; Кіровоград: ДЛІАУ, 2001. – 164 с. 4. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / Потебня А. А.; [подг. текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева]. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с. 5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык–основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / [отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо]. – М.: Наука, 2006. – 908 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

6. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / Абаев В. И. – М.; Л.: Наука, 1958–1973. – Т. I–II. 7. Ващенко В. С. Словник полтавських говірок / Ващенко В. С. – Х.: Вид-во Державного ун-ту ім. О. М. Горького, 1960. – Вип. 1. – 107 с. 8. Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / Веселовский С. Б. – М.: Наука, 1974. – 382 с. 9. Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор / А. Грандильевский // Сборник Отделения русского языка и словесности. – СПб., 1907. – Т. LXXXIII, № 5. – С. 101–203. 10. Мельниченко Г. Г. Краткий Ярославский областной словарь / Мельниченко Г. Г. – Ярославль: ЯПИ, 1961. – 230 с. 11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – [19-е изд., испр.]. – М.: Рус. язык, 1987. – 750 с. 12. Расторгуева В. С. Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М.: Восточная литература, 2000. – Т. I. – 328 с. 13. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Севортян Э. В. – М.: Наука, 1974. – 770 с. 14. Словарь русских народных говоров / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова]. – Л.; СПб.: Наука, 1965–2006. – Вып. 1–40. 15. Словарь української мови / [упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко]. – К.: Вид-во АН УРСР, 1959. – Т. IV. – 564 с. 16. Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка / Стеблин-Каменский И. М. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 480 с. 17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Макс Фасмер; [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина]. – [2-е изд., стереотип.]. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV. 18. Цаболов Р. Л. Этимологический словарь курдского языка / Цаболов Р. Л. – М.: Восточная литература, 2001. – 688 с. 19. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / [под ред. О. Н. Трубачева]. – М.: Наука, 1974–2009. – Вып. 1–35. 20. Borys W. Słownik etymologiczny języka polskiego / Wiesław Borys. – Kraków: Wyd-wo Literackie, 2005. – 861 s. 21. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch / Ernst Fraenkel. – Heidelberg: Carl Winter; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. – Bd I–II. 22. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch / Hjalmar Frisk. – Heidelberg: Carl Winter, 1960–1972. – Bd I–III. 23. Klein E. A comprehensive etymological dictionary of the English language. Dealing with the origin of words and their sense development thus illustrating the history of civilization and culture / Ernest Klein. – L.; N. Y.: EPC, 1966. – Vol. I. – 853 p. 24. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského / Václav Machek. – Praha: CSAV, 1957. – 628 s. 25. Μπαμπινιώτη Γ. Δ. Λεξικό της νεας ελληνικής γλώσσας. Με Σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Ερμηνευτικό. Ορθογραφικό. Ετυμολογικό / Μπαμπινιώτη Γ. Δ. – Αθήνα: Κεντρο λεξικολογίας, 2008. – 2032 с. 26. Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / Julius Pokorný. – Bern; München: Francke Verlag, 1959. – Bd. I. – 1183 p. 27. Třetí příspěvek k česko-německému slovníku zvláště grammaticko-fraseologický / [sest. F. Št. Kott]. – Praha, 1906. – 579 s. 28. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch / Alois Walde. – Heidelberg: Carl Winter, 1910. – 1044 p.

Стаття надійшла до редакції 11.06.2010